

«Каких ещё самок ему искать? Он и сам, похоже, не прочь заняться со мной двойным совершенствованием, чтобы практиковать цайбу».

Взгляд Мо Яня скользил по фигуре Лю Чжэчжи, а хвост тем временем плотно обвился вокруг его тонкой талии.

«Ха, я уже разгадал твой коварный замысел. Не волнуйся, ещё немного потренируюсь — и смогу принять человеческий облик. Если ты не против моего истинного тела, то мы можем хоть сейчас...»

Подумав о том, насколько слабо сейчас тело Лю Чжэчжи, Мо Янь с сожалением отбросил эту мысль.

«Нет, с истинным телом пока нельзя. Я с таким трудом поддерживаю в нём жизнь. Если воспользуюсь своей истинной формой, боюсь, он просто не выдержит».

Хвост обвивал его талию, и даже сквозь одежду Лю Чжэчжи чувствовал, как по его телу скользит чешуя. Он легонько похлопал по змеиной голове, что высовывала язык прямо перед его лицом.

— Змейка, когда обвиваешься вокруг меня, не двигайся так. Твоя чешуя щекочет.

Дело было не только в щекотке. Змей стал очень тяжёлым.

Когда-то он был крошечной змейкой, умещавшейся на ладони, а теперь, выпрямившись, был выше него ростом и таким толстым, что Лю Чжэчжи, обвитый им, не мог сдвинуться с места. Если бы он за что-нибудь не держался, то, скорее всего, уже упал бы под его тяжестью.

Но Мо Янь не слушал и продолжал обвиваться вокруг него, тёрся.

«Я уже соизволил стать для тебя человеком-сосудом, позволив практиковать цайбу, а ты ещё и капризничаешь! Терпи, раз щекотно!»

Он не только обвивался вокруг Лю Чжэчжи, но и принялся вылизывать его шею, видневшуюся из-под ворота одежд.

«Ш-ш-ш... до чего же ароматный. Как так получается, что от него всего пахнет так приятно?»

— Змейка, щекотно... — Лю Чжэчжи попытался оттолкнуть его голову и даже укоризненно

шлёпнул. — Я только что принял ванну. Не облизывай меня, иначе придётся мыться снова, а это так утомительно.

В детстве он не любил сидеть у него на руках, а теперь, повзрослев, стал невероятно прилипчивым, постоянно норовя обвиться вокруг него. Лю Чжэчжи уже привык и по большей части потакал ему.

Он и так был равнодушен к мирской суете, и если дело не касалось принципиальных вопросов, то к змейке, которую он вырастил собственными руками, он был готов проявлять безграничное терпение и снисхождение.

«Нет! Буду лизать!»

В Мо Яне снова проснулся дух противоречия. Он принялся вылизывать не только шею, но и подбородок.

— Слышал я о собаках-подлизах, но вот змею-подлизу вижу впервые. Откуда у змеи такая страсть к вылизыванию?

Лю Чжэчжи, одновременно беспомощный и удивлённый, схватил его за язык и легонько щёлкнул по нему.

— Змейка, если будешь продолжать, сегодня будешь спать в углу на стене. На кровать не пушу.

Мо Янь как раз пытался втянуть язык обратно, но, услышав слово «подлиза», замер, а его взгляд похолодел.

«Ты держал собаку? И она тебя тоже лизала?!»

«А где эта собака? Где она?!»

«Я убью её! Прямо сейчас развею её душу!»

Он внезапно пришёл в ярость, принялся шипеть и метаться. Лю Чжэчжи не понял, в чём дело.

— Змейка, что случилось?

«Я спрашиваю тебя, где эта собака! Когда ты её держал? Как долго? Ты тоже позволял этой твари спать с тобой?!»

«Лю Чжэчжи, отвечай!»

— Змейка... — Лю Чжэчжи, схватив его за хвост, нахмурился. — Ты слишком сильно меня сжимаешь, я не могу дышать. Почему ты сегодня так зол? Я сказал что-то не так?

Стоило ему сказать, что он не может дышать, как взгляд Мо Яня тут же смягчился. Он поспешно ослабил хватку, сполз с него и, убедившись, что тот в порядке, схватил зубами кисть и размашисто написал на бумаге два иероглифа:

«Где собака?»

— Какая собака? — удивился Лю Чжэчжи.

«Ещё и притворяешься!»

Мо Янь, стиснув зубы, снова взялся за кисть: «Твоя собака, подлиза, та, что тебя лизала!»

Лю Чжэчжи опешил.

— У меня нет собаки. Это просто... такое выражение.

Он случайно употребил слово из своей прошлой жизни и вызвал недоразумение. Теперь Лю Чжэчжи пришлось терпеливо объяснять.

— Подлиза — это... когда кто-то очень любит другого, настолько, что готов на всё ради него. Такого человека и называют подлизой. Кто-то считает это унижительным, кто-то — жалким, но истинные чувства известны лишь ему самому. Это тоже своего рода путь самосовершенствования, но многие сбиваются с него, так и не получив желаемого.

Мо Янь понял. «Подлиза» — это не собака, которую держал Лю Чжэчжи, а просто образное выражение.

Но дальнейшие объяснения он слушал вполуха, уловив лишь суть: тот, кто очень любит и готов на всё, — тот и есть подлиза.

«А, так вот что это значит. Так бы сразу и сказал, зачем выдумывать какие-то термины? Праведники — такие жеманные, столько условностей, без объяснений и не поймёшь. Раздражает!»

Он, сам будучи малограмотным, списал это современное слово на обширные познания Лю Чжэчжи. В душе он презрительно фыркнул, но во взгляде его сквозило восхищение и удивление. В его сознании промелькнула фраза:

«Знания и книги придают человеку утончённости».

Он решил, что эта фраза как нельзя лучше описывает Лю Чжэчжи. В мире много красавцев, но Лю Чжэчжи выделялся своей неповторимой аурой, его красота была возвышенной, недостижимой. Наверное, всё дело в том, что он много читал.

Мо Янь так засмотрелся, что не заметил, как прошло время. Вдруг он почувствовал, что кончик его хвоста горит. Он опустил голову, но не увидел ничего необычного. Просто жар, и божественная душа тоже как-то беспокойно трепетала.

«Что это?»

Никогда прежде с ним такого не было. Мо Янь, погружившись в самоанализ, замолчал. Видя, что он успокоился, Лю Чжэчжи вздохнул с облегчением, но взгляд его стал ещё более беспомощным.

«Змейка не только с возрастом стал более прилипчивым, но и характер его, кажется, испортился. Он даже начал ревновать, решив, что у меня когда-то была собака. Это нехороший знак».

«Путь самосовершенствования — это путь очищения сердца. Если он научится ревновать к другим, то однажды его сердце может смутиться, и тогда родится внутренний демон...»

Лю Чжэчжи забеспокоился. Он решил, что пока ещё можно всё исправить, нужно срочно найти способ направить ревность Змейки в правильное русло. Он уставился в окно, погружившись в раздумья.

— Шлёп!

Какое-то живое существо, выбравшись из сугроба, подбежало к окну и с размаху врезалось в стену. Лю Чжэчжи присмотрелся и увидел белоснежного кролика. Шерсть его была покрыта снегом, он, ошарашенный ударом, растерянно огляделся и встретился взглядом с Лю Чжэчжи.

Обычно Лю Чжэчжи не стал бы вмешиваться. У каждого живого существа своя судьба, и вмешиваться — значит, принимать на себя чужую карму. Хоть этого кролика и можно было считать связанным с ним судьбой, но их разделяло окно, и эта связь была слабой, не сравнимой с той, что была у него со Змейкой.

Просто случайный прохожий.

Но, подумав о том, что Змейке нужно усмирить свой нрав, Лю Чжэчжи решил вмешаться. Он открыл окно и уже собирался высунуться, чтобы подобрать кролика, как вдруг почувствовал, что его талию резко стянуло.

Мо Янь хвостом оттащил его назад, захлопнул окно и, уставившись на него, зашипел.

«Ты что опять удумал?! На улице холодно! Твоё тело не выдержит! Сколько раз тебе говорить?!»

— Я не собирался выходить, — Лю Чжэчжи указал на окно. — Там глупый кролик, он врезался в стену. Я хотел подобрать его и посмотреть, не ранен ли он.

«Всего-то? Жди!»

Мо Янь оттолкнул его подальше, чтобы тот не простудился, открыл окно, хвостом подцепил кролика, забросил его в покои и остался ждать у открытого окна.

«Смотри. Он не ранен. Посмотришь — и я его выброшу».

Лю Чжэчжи понял его намерения. Он взял кролика, осмотрел его и, помедлив, обратился к змею:

— Змейка, на улице так холодно. Смотри, какой этот кролик милый. Давай оставим его, будет тебе товарищем по играм, а?

— Хлоп! — хвост Мо Яня застыл, и окно с грохотом захлопнулось.

Мо Янь посмотрел то на кролика, то на него. Его вертикальные зрачки потемнели.

«Ты хочешь оставить его? Лю Чжэчжи, да как ты смеешь?!»

«Ты что, считаешь меня мёртвым?!»

<http://bllate.org/book/16980/1586732>